

восточнобалтскими племенами. Этнический рубеж между балтами и славянами до начала VI в. проходил приблизительно по линии Киев—Коростень—Сарны—Ковель. На протяжении VI в. раннеславянские племена корчакской культуры постепенно осваивают южную часть Белорусского Полесья, лежащую к югу от Припяти, где появляются славянские памятники (Семурадцы, Хильчицы, Хотомель и др.). Интересно, что в материалах из Хотомеля и даже раннеславянских поселений, находящихся южнее Белорусского Полесья (Корчак I, Корчак II, Корчак IX, Подриже), выделяются северные, восточнобалтские элементы прежде всего в керамике (И.П. Русанова, 1974). Это свидетельствует о включении балтского субстрата в раннеславянскую корчакскую культуру.

С рубежа VI—VII вв. и до рубежа VII—VIII вв. граница между славянами и восточными балтами в Белорусском Полесье совпадает с течением Припяти. К северу от нее на протяжении V—VIII вв. продолжают существовать поселения колочинского варианта банцеровской культуры (Бобрик, Ботово, Долгое, Погост-Загородский, Слободка, Старомлыны, Фревичи и др.). Выявлены и остатки погребальных памятников местного восточнобалтского населения в виде могильников с трупосожжениями (Виртки, Шарейки). По домостроительству, погребальному обряду, набору керамики и другого вещевого инвентаря колочинский вариант Белорусского Полесья наиболее близок соседнему дедиловичскому варианту банцеровской культуры, расположенному в Центральной Белоруссии.

Только в начале VIII в. появляются первые славянские памятники на левом берегу Припяти (селище в Петрикове с керамикой корчакского типа и полуземлянками со славянским интерьером). В течение всего VIII в. происходит постепенное освоение славянами северной части Белорусского Полесья. Особенно ярко этот процесс смены одной культуры другой можно проследить на расположенном чуть се-

вернее Полесья поселении Колочин. Заселение шло медленно, несколькими волнами в VIII, IX и X вв., и вначале славянское население левобережья Припяти было малочисленным. Пока известно лишь несколько славянских поселений VIII—IX вв. в северной части Белорусского Полесья — Городище в устье р. Ясельды, Млынок в низовьях Птичи, в Пинске, Петрикове, Скобичах под Брестом. Местное восточнобалтское население постепенно смешивалось с пришлыми славянами.

Результаты проделанного исследования опровергают мнения о полной или частичной незаселенности Белорусского Полесья в раннем средневековье, о бытовании здесь в VI—IX вв. особой петриково-хотомельской культуры, в которой механически объединены памятники банцеровской и корчакской культур. В археологическом материале не находят подтверждения и выдвинутая в литературе идея о "чистоте" и однородности славянской культуры Полесья в VI—VII вв.

В.Петренко (Ленинград)

СОПКИ СЕВЕРНОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЛАНЕ БАЛТСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Средневековые монументальные погребальные насыпи новгородчины и некоторых соседних регионов, являющиеся своеобразными памятниками "земляной архитектуры", которые принято называть сопками, остаются одним из важнейших источников для изучения судеб населения лесной полосы Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства. Различные авторы оценивали сопки как скандинавские, норманно-русские, славянские (оставленные переселенцами с юга, из Поднепровья или Польского Поморья), финские памятники. Высказывалось мнение о смешанном характере населения, оставившего эти сооружения. Спорность предлагаемых атрибуций заставляет

вновь обратиться к сходным чертам, выявленным при сравнении рассматриваемых объектов и погребальных комплексов соседних земель.

Внимание исследователей уже привлекали такие особенности сопок, которые имеют аналогии в погребальных древностях различных балтских и финно-угорских племен. В частности, В.В.Седов, выделяя признаки, относящиеся к конструкции сооружения или погребальному обряду сопок (каменная обкладка, сплошное мощение камнем основания насыпи, захоронение коня, обычай возводить курган) и характерные в то же время для древних балтов, допускал, что эти элементы ритуала были занесены в новгородские земли балтским населением или предками славян, которые, двигаясь в Приильменье, пересекли земли балтов, позаимствовав в результате контактов ряд местных погребальных традиций. Другую группу признаков, зафиксированную при изучении высоких насыпей (золенные прослойки в основании сооружений, каменные кладки-помосты, каменные груды, жертвоприношения животных), исследователь связывал с местными западнофинскими погребальными ритуалами и рассматривал как наследие финно-угорского субстратного населения.

Северное Поволжье является районом, где сопки изучены наиболее полно. Здесь в 26 пунктах зарегистрировано не менее 60 высоких насыпей. В результате работ 1970-1982 гг., проведенных с применением усовершенствованных, в том числе специально разработанных методов, стало возможным значительно дифференцированное представить памятники указанного региона. На основе таких особенностей объектов, как топография и количественный состав могильников, внешний вид и структура сооружений, разнообразные детали погребального обряда, удалось вычленил серию сопоставимых признаков. Взаимовстречаемость и повторяемость этих компонентов в насыпях, присутствие комплекса энде-

мичных признаков, характерных для групп памятников, позволяют наметить несколько (четыре, а возможно, и пять) типов высоких насыпей. Разумеется, различия между группами сооружений проявляются не одинаково. Часто это наборы четко отличающихся признаков, но иногда правильнее говорить лишь о различных тенденциях. Тем не менее неоднородность рассматриваемых памятников выступает вполне отчетливо.

Состояние источников не позволяет пока решить, является ли насыпи I и II типов отражением существования различных погребальных традиций или в данном случае речь должна идти о развитии одного обряда захоронения, подвергшегося качественной трансформации под влиянием иных похоронных обычаев. Напротив, сопоставление сопок I-III, I-IV, II-III, II-IV, III-IV типов показывает, что выделенные типы не являются дискурсивными звеньями в процессе развития одного обряда, а, безусловно, свидетельствуют о наличии разных погребальных традиций, отражающих определенную неоднородность среды, где эти традиции бытовали. В свою очередь, сказанное дает возможность поставить вопрос о правомерности принятой многими авторами моноцентрической схемы происхождения сопок.

Заслуживает внимания тот факт, что все выделенные В.В.Седовым, а также некоторые другие особенности сопок, соотносимые с элементами погребальных памятников Литвы и Латвии, наиболее отчетливо выступают в насыпях III типа. Конечно, часть этих особенностей может носить необязательный характер, однако весь комплекс названных признаков, учитывая устойчивость встречаемости, органичность положений в структуре памятника, не может быть результатом случайных заимствований.